

Неудивительно, что Лу Яньси так сказал, ведь в прошлой жизни он слышал слишком много лживых «я просто потрусь, не войду»! Хотя в итоге он сам позволял, но сегодня этого точно не будет!

Ань Цзинсин на мгновение задумался, взвешивая свою силу воли перед Лу Яньси, вспомнив, как перед началом он неоднократно напоминал себе «только один раз», но в итоге перевернул Лу Яньси с ног на голову, и снова замолчал, не потянув Лу Яньси обратно.

*

После умывания Ань Цзинсин вспомнил о том, что Лу Яньси упомянул, когда заходил в ванну:

— В кабинете, должно быть, есть книги, которые тебя заинтересуют. Завтра я дам указания, и ты сможешь пойти туда и посмотреть. Если чего-то не будет, составь список, и я найду для тебя.

Кабинет, о котором говорил Ань Цзинсин, находился в другом здании его усадьбы. В отличие от того, что был в спальне, этот кабинет был значительно больше и считался запретной зоной в резиденции наследного принца. Без приказа Ань Цзинсина даже слуги не могли войти туда для уборки, так как там хранились многочисленные секреты резиденции, и Ань Цзинсин часто обсуждал важные дела со своими советниками.

Лу Яньси, переродившийся однажды, конечно, знал об этом и был удивлен. В прошлой жизни Ань Цзинсин, кажется, не давал ему права свободно входить в кабинет? Или давал, но он не обращал на это внимания?

Но вскоре Лу Яньси отбросил этот вопрос, так как это не имело для него большого значения, и кивнул Ань Цзинсину:

— Хорошо, завтра я посмотрю.

— Я уже хотел спросить, что означает эта нефритовая подвеска? — Произнося это, Ань Цзинсин указал на подвеску, лежащую у изголовья кровати. Лу Яньси позволял ему делать все, что угодно, но когда он собирался порвать одежду, остановил его, снял подвеску и положил на кровать.

По действиям Лу Яньси Ань Цзинсин понял, что эта подвеска, вероятно, не просто украшение.

— Ах, это? — Лу Яньси последовал взглядом Ань Цзинсина, посмотрел на изголовье, взял подвеску, которую носил с детства, и передал её Ань Цзинсину. — Не думаю, что в ней есть какой-то глубокий смысл.

Его тон был настолько легким, что казалось, это была обычная подвеска.

Ань Цзинсин взял подвеску, ощупал её. Нефрит был хорошего качества, цвет и резьба тоже были неплохими, но вряд ли она была настолько ценной, чтобы Лу Яньси так нервничал. Кроме того, узор на ней... Ань Цзинсин, разглядев узор, нахмурился: почему использовали такой неблагоприятный символ?

На подвеске была вырезана рыба. Если бы это был обычный карп, то ничего, ведь в народе существует поговорка «карп перепрыгивает через ворота дракона», поэтому использовать карпа как украшение — не редкость. Но проблема в том, что эта рыба была... прудовой. Прудовая рыба. Кто, кроме человека, находящегося в заточении, стал бы использовать такой

неблагоприятный символ?

— Тебе странно, почему это прудовая рыба? — Лу Яньси, увидев, как Ань Цзинсин хмурится, понял, о чем он думает. Он взял одеяло сбоку, перевернулся на живот, вздохнул с облегчением — действительно стало намного удобнее!

— Да, — Ань Цзинсин кивнул. Чем знатнее семья, тем больше они обращают внимание на такие вещи, не говоря уже о том, что тетя Юнь, будучи образованной, никогда бы не допустила такой ошибки.

— Потому что прудовая рыба... это моё имя, — сказал Лу Яньси, его глаза сверкнули, и на лице появилась улыбка.

Именно поэтому Лу Яньси остановил Ань Цзинсина. В государстве Сяоань мужчины использовали значение своего имени как украшение, чаще всего из нефрита. Но в народе также говорят, что если украшение с именем разбивается, это плохой знак.

Ань Цзинсин был ошеломлен этим заявлением. Он никак не ожидал, что «прудовая рыба» будет именем Лу Яньси:

— Но ты ещё не достиг возраста, когда дают имя? И тетя Юнь...

Как и думал Ань Цзинсин, Юнь Вань, происходившая из образованной семьи Юнь, естественно, знала все правила. Даже по выражению «персики и сливы не говорят, но под ними сами образуются тропинки» можно было понять её ожидания от Лу Яньси. Почему же в таком важном для мужчины вопросе, как имя, она была так небрежна? И мужчинам имя дают при совершеннолети, а до совершеннолетия Лу Яньси оставалось... три года!

— Нет, но это имя дал мне... настоятель Сюанькун, — в прошлой жизни у Лу Яньси тоже было это имя, но он относился к нему с презрением.

Тогда он считал себя невероятно талантливым, как он мог быть прудовой рыбой? Но в конце концов Лу Яньси вынужден был признать, что тот странный старик был прав. Он, который так и не смог выбраться, разве не был прудовой рыбой?

— Настоятель Сюанькун? — Даже Ань Цзинсин слышал о знаменитом монахе. Как и Бай Ши, он любил путешествовать, редко делал предсказания, но каждое из них сбывалось, что и принесло ему славу.

Лу Яньси кивнул:

— Да, этот старик Сюанькун сказал, что это имя поможет мне избежать бед. Хотя мама с детства учила меня «не говорить о странных вещах», она все же беспокоилась обо мне и согласилась. Поэтому у меня есть имя до совершеннолетия.

Ань Цзинсин, услышав это, кивнул с пониманием. Если имя дал настоятель Сюанькун, то это объяснимо:

— Понятно.

Не только тетя Юнь, но и сам он, услышав такое от настоятеля Сюанькун, серьезно задумался бы. В конце концов... лучше верить, чем не верить. Если он заботится, то не хочет, чтобы с ним случилось что-то плохое.

— Давай не будем об этом. Кстати, у тебя, кажется, нет имени? — Говоря это, Лу Яньси хитро улыбнулся. Причина, по которой у принцев нет имен, проста — никто не будет обращаться к принцу по имени.

У некоторых принцев есть имена, которые дают их матери, выражая свои надежды. Но императрица Юань ушла уже некоторое время назад, поэтому у Ань Цзинсина, вероятно, не было имени.

Ань Цзинсин почти сразу понял намерение Лу Яньси и вернул ему подвеску:

— Что, Яньси, хочешь дать мне имя?

— Да, как насчёт... Гу Юань? — сказал Лу Яньси, смотря на Ань Цзинсина с улыбкой. В его голове всплыла строчка из стихотворения, которое он учил в прошлой жизни.

— ...Гу Юань? — повторил Ань Цзинсин. Звучало красиво, но какой в этом смысл? Хотя он не совсем понимал, но в глубине души чувствовал, что это должно соответствовать «прудовой рыбе».

И действительно:

Лу Яньси приподнялся и прошептал Ань Цзинсину на ухо:

— Потому что... «птица в клетке тоскует по старому лесу, а рыба в пруду — по родной глубине»...

Ань Цзинсин был настолько взволнован словами Лу Яньси «рыба в пруду тоскует по родной глубине», что с утра не переставал улыбаться. Это вызвало у Ся Имина мурашки по коже.

— Я говорю... хватит уже! Кто перед свадьбой выглядел так, будто несет на себе весь мир? А прошло всего несколько дней? Не то чтобы я хотел сказать, но методы молодого господина Лу действительно впечатляют, — Ся Имин, глядя на Ань Цзинсина, который улыбался и смотрел в пространство, понял, что он снова витает в облаках. Сегодня это было уже не в первый раз.

Перед свадьбой, хотя Ань Цзинсин внешне не показывал, те, кто его знал, могли понять, что он беспокоился о предстоящем браке. Но прошло совсем немного времени? День? Это был всего лишь второй день после свадьбы, а наследный принц уже выглядел так. Видимо, молодой господин Лу не только умел справляться с драгоценной наложницей, но и с самим наследным принцем!

— Когда ты сам женишься, поймёшь, — сказал Ань Цзинсин, глядя на Ся Имина с насмешкой. Он понимал, что тот думал.

— Я просто... подожди! — Ся Имин, казалось, что-то вспомнил, посмотрел на Ань Цзинсина и сразу же изменил выражение лица. — Эээ, Ваше Высочество, как насчёт того, чтобы представить нам супругу наследного принца?

Его выражение было настолько подхалимским, что казалось, он стал настоящим распутником.

Ань Цзинсин: Я просто потрусь, не войду!

Лу Яньси: Ты сам так сказал!

(Через время)

Лу Яньси: Хватит тереться! Вали ко мне!

<http://bllate.org/book/16474/1496072>